

СКАНДИНАВСКАЯ ПРОЗА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

О. В. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 октября 2014 г.

Аннотация: в статье затрагивается проблема нарративных стратегий в произведениях современных скандинавских писателей. Акцент делается на типологические подходы, но учитываются и индивидуальные практики авторов поколения «нового рубежа» (1990–2000-е гг.). Актуализируется связь скандинавских моделей с общегерманскими и западноевропейскими, в том числе, в проблемном плане (констатация одиночества современного человека, разрыва человеческих связей, утраты эмоциональной и душевной близости, но и призыв к человечности и восстановлению контактов).

Ключевые слова: скандинавские литературы, современная проза, нарратив, субъективизм повествования, внутренний монолог, пространственно-временная организация текста (хронотоп), проблема отчуждения.

Abstract: in the paper the problem of narrative strategies in Scandinavian authors' works is being discussed. An emphasis is made on the typological approach, but the individual features of the authors belonging to the new generation of Scandinavian writers (1990–2000) are also being investigated. The connection between Germanic and Western European literature is being traced, including the most typical problems, i.e. stating the loneliness of a contemporary person, breaking of all human bonds, the loss of emotional intimacy, but, nevertheless, the call for humanity and restoring the above-mentioned bonds.

Key words: Scandinavian literatures, contemporary prose, narrative, subjectivity of narration, soliloquium, temporal and spatial text organization (chronotopos), the problem of alienation.

Современная западноевропейская литература и её самая значительная часть – прозаическая – симптоматически выявляют ментальные и эстетические константы нашей рубежной эпохи (XX–XXI вв.). Многообразие, противоречивая контрастность нынешнего литературного процесса (в художественном языке, стилистике произведений) только усиливают желание критиков, литературоведов и читателей выделить и проанализировать нечто главное, объединяющее и отличающее всю эту пёструю литературу «нашего времени», – с целью это время постичь и разъяснить. Определение доминант разных европейских литературных моделей (в темах, проблематике, авторских позициях) позволяет уточнить и проиллюстрировать «формулу» западноевропейского писательского и читательского интереса, проблемно-тематические приоритеты разных западных литератур и точки их пересечения, обозначить тип современного «героя времени».

Произведения скандинавских авторов периода «нового рубежа» обнаруживают несомненное родство с общими западноевропейскими тенденциями, в первую очередь, – с германскими. Особое отношение к литературе – как к одному из главных духовных средств в постижении действительности, к важнейшей национальной сфере, призванной обозна-

чить осознание, сохранение и продолжение культурных традиций, ощущение родства искусства слова с другими искусствами (прежде всего, музыкой), – привносит в опыты современных норвежских, шведских и финских прозаиков особую пронзительность, «мелодичность», искренность и даже парадоксальность. Писательница и критик Линн Ульманн, составитель антологии современной норвежской прозы, переведённой в России, нашла очень точное, на наш взгляд, определение: эти произведения, несмотря на видимые и, казалось бы, непримиримые различия, побуждают к «отклику» читателя, создают душевный «резонанс», «трогают» нас и даже «глубоко ранят чувства читателя», потому что у каждого из них «есть собственная мелодия» и «достоинство» [5, 78].

Констатация отчуждения, «глубокого оцепенения» в отношениях людей, болезненной ранимости, беспомощности и бездуховности современного человека стала уже «общим местом» искусства последних десятилетий.

Именно поэтому для скандинавской традиции значима роль литературного творчества, позволяющего реализовать стремление «выговориться» и «быть услышанным». Этот исповедальный, порой жестокий процесс, иногда даже физиологичный, напоминающий препарирование, но тем более необходимый, осознаваемый как неизбежный и потому

бескомпромиссный, становится ядром реальности в произведениях и, в конечном итоге, своеобразным средством излечения от одиночества, фобий, комплексов, способом бороться с материализацией и стандартизацией жизни. Он фиксирует желание «остановить время», воскресить (или пробудить) чувства.

По замечанию М. Баклен, чтение «увлекает в мир слов», заставляет понять, что «в этом мире тоже есть движение, похожее на поток, который никогда не кончается». Её героиня «ныряет в текст, в незнакомый ландшафт, в мысли и ситуации незнакомых людей, которые под конец становятся знакомыми, почти друзьями, в жизнь...» [4, 492]. Норвежец Юн Фоссе выразил это стремление так: «Где в современном норвежском обществе можно найти понимание по отношению к совершенно разным людям с непохожим жизненным опытом...? Всё это можно найти в литературе. В ней вы найдёте понимание человека. Человека не как разумного существа, производящего определённые действия, а как единства настроений и импульсов; в литературе человек воспринимается всерьёз и, независимо ни от каких обстоятельств, обретает защиту» [цит по: 5, 8].

Первое, что роднит практически все произведения авторов «нового рубежа», – это исходная *ситуация* – смятения духа и чувств, и, как следствие, – предельный *субъективизм* повествования. Хотя в центре может стоять событие, действие, акцент всё же переносится на его переживание, на индивидуальное восприятие мира, конкретных его проявлений и фактов. Отражение деталей реальности через индивидуальное сознание может сопровождаться и искажением этой реальности – наивным (Ч. Линдблатт «Вечерние дети»), творческим (М. Сундстрём «Вкруг нас небеса вовеки вздымаются»), болезненным (Ф. Лонг «Страдания финского мужа», С. Йарволл «Кувшин»). Современное индивидуальное сознание может трансформироваться под влиянием потребительских ценностей и стереотипов массового сознания (Л. Хиде «Девушка года»), но и под грузом прошлого – войны, например (П. Петтерсон «В Сибирь», Х. Хербьёрнсрюд «Халлгрим Флатин 1966»).

Чаще всего авторская интенция направлена на постижение именно *внутреннего* качества современного человека, его *сокровенного* мира, а значит, подразумевает те формы и приёмы, которые наиболее адекватны данным целям. Герои названных авторов, рассказывая о себе, обращаясь к анонимному или косвенно определённом собеседнику, совершают свой «расчёт» с прошлым или настоящим, чувствами или мыслями. *Исповедь* героя может не иметь даже адресата, это самоочищение, самопознание, самоанализ.

Повествование *от первого лица* явно доминирует в известных нам прозаических текстах сканди-

навских писателей. Поворот к «личностному», частному присутствует и в произведениях, формально содержащих повествование от третьего лица. Авторский текст и прямая речь (персонажей) чередуются или практически «слиты», даже графически не разделены, пересекаются и «накладываются» друг на друга. Автор как бы отстраняется от изображаемого и, одновременно, «растворяется» в нём. Примером может служить текст повести «Метод Тране» Эйстейн Лённ:

«Тране посмотрел на неё, и она рассмеялась... Ты идёшь? сказала она.

Он замер в нерешительности: Ну почему я?

...Ты будешь анализировать мой ответ? сказала она, подойдя вплотную к нему. Она была такая высокая, что когда он смотрел прямо перед собой, он видел её шею, а чуть левее, на шее, у родинки, в такт сердечным ударам пульсировала артерия... От неё пахло солнцем и сигаретами: Что случилось? Сказала она.

Не знаю, сказал Тране» [1, 98].

В новелле Тура Ульвена «Я сплю» две формы повествования не просто перемежаются. В сталкивающихся фрагментах текста за «я» спрятан женский персонаж, «он» обозначает мужское. Причём авторский текст часто содержит несобственно-прямую речь, что создаёт также иллюзию «личностного» повествования. Он практически местами неотличим от исповеди женского «Я». При этом оба героя не только анонимны (обозначены лишь местоимениями), но и являются, по сути, «негероями», предельно обобщёнными конструкциями, функция которых – быть субъектами повествования, носителями мужского и женского начала вообще, психологических моделей самого общего плана. Оба персонажа – «на грани нервного срыва», «нездоровой истерики», что подчёркивается оформлением текста в технике «потока сознания» и в особой графике и синтаксисе. Огромные предложения, состоящие из нагромождений сбивчивых по интонации, разнородных по мысли фраз и фрагментов, соседствуют с лаконичными, редуцированными конструкциями, номинирующими предметы окружающей обстановки или констатирующими состояния героев. Так эмоциональная отстранённость или даже примитивность может сталкиваться с несдержанностью, патологической ранимостью, безумной одержимостью.

В этой же новелле присутствует мотив сна, часто возникающий и у других авторов. В повести шведа Челля Линдблада «Вечерние дети», несмотря на иллюзию реалистичного повествования, сны, мечты, детские фантазии и игры создают своеобразную мозаику из реальности и вымысла, отражающую ещё и контраст взрослого и детского мировосприятия. Особая поэтичность, фольклорно-мифологические основы скандинавского мышления раскрываются в этом произведении неслучайно через детское со-

знание, которое неосознанно, интуитивно и естественно воспринимает и хранит древние, исконные знаки национальной культуры и яркие образы литературы.

Факты, приметы, детали повседневности, воспроизводимые в текстах скандинавских авторов, уступают изображению внутреннего мира, фиксации чувств, ощущений, впечатлений героев. Отторгая мир, герои отторгают его видимые знаки, явления, ставшие привычными. Артефакты реальности (*вещи* и детали, повседневные *ритуалы*, знакомые каждому) вызывают чаще всего ненависть персонажей. Они символизируют обыденность: телевизор с ежедневным футбольным репортажем, домашний халат, коврики и обеды («Невеста в белом» Л. Стиен), ежевечернее укладывание детей спать с обязательной сказкой («Загадай желание улитке» Г. Далэ), обязательное поедание размороженных рыбных биточков («Что и как едят в Норвегии» Д. Сульстад).

Но, с другой стороны, именно эти детали часто служат своеобразными «зацепками» для существования, тем, что удерживает современного человека, погружённого в пучину собственного «я», на плаву, создают спасительную привычку, которая рождает иллюзию наполненности жизни. Символичны и места действия произведений, к которым «привязаны» современные люди. Это кухня и спальня – главные места в доме-крепости/тюрьме, где современный человек проводит большую часть своего личного времени и где разыгрываются истинные драмы.

Будничное, неприметное вообще может вырастать до гигантских размеров в частном сознании. Незначительное на первый взгляд событие выступает как сюжетное ядро в новеллах «Плевок» Ларса Кристенсена и «Пепел во рту» Пера Петтерсона. Обычное событие выступает «толчком», побудительным мотивом для рефлексии персонажа, процесса переоценки ценностей («Плевок»), даже причиной разрушения привычного мира. Или наоборот – причиной обретения значительного для каждого человека – добра, понимания, сострадания («Пепел во рту»).

Особой проблемой для исследователя скандинавской прозы может стать вопрос о *пространственно-временной организации* текстов названных современных авторов. Мы можем только обозначить некоторые общие качества, представляющиеся нам важными для восприятия всего идейно-художественного комплекса данных произведений.

При создании темпоральных характеристик авторы следуют контрастному принципу. С одной стороны, повсеместно в скандинавской прозе (как и современной вообще) время утрачивает чёткие очертания – оно устремляется потоком, часто хаотическим, в котором перемежаются временные пласты, воспоминания и синхронное время. С другой стороны, время в повествовании может быть чётко

очерчено, отмечаться персонажами и автором, фиксироваться сознательно. В новелле Г. Далэ «Загадай желание улитке» тревожное ожидание героини передаётся через отсчёт времени на протяжении всего текста: «Времени десять минут десятого. Вот уже одиннадцать минут десятого. Часы в гостиной рвут пространство на мелкие кусочки» [1, 151]. Но время может и останавливаться, «замирать» в особые (критические, кульминационные) моменты. Например: «Всё во мне застыло. Я плохо сплю, мало ем и не могу ни на чём сосредоточиться. Время остановилось. История закончилась. Ничего нового не происходит» (новелла Х. Хербьёрнсрюда «Халлгрим Флатин 1966») [1, 370].

Реальность в целом тоже часто утрачивает определённость, остаётся безымянной, даже абстрактной, служит лишь фоном для процесса самоанализа героя. Изображение человека «изнутри сознания», собственно, не предполагает чёткого структурирования внешнего пространства, из действительного мира повествователем «выхвачены» отдельные фрагменты, соотносимые с ключевыми моментами судьбы героя.

Личное существование персонажа ограничивается «замкнутым кругом» дома, комнаты. В повести Свена Йарволла жизненное пространство героя «сужено» до предела – стенками глиняного кувшина. Удивительно прочный для человека-узника внутри и хрупкий на вид посреди бушующего огромного моря сосуд, тюрьма и корабль-спасение одновременно, кувшин предстаёт конкретным предметом, вокруг которого строятся все реакции и ощущения находящегося внутри героя. Но кувшин становится и экзистенциальным символом – раковиной, панцирем, утробой, из которой человек всё время стремится вырваться, обрести свободу, и с которой связан изначально и навсегда.

Пространство может быть «расширено» от исходной точки – дома, родины, семьи – разными способами и в разных целях. Человек устремляется в пространство прошлого и природы, в тайны жизни и смерти («Коровы» Л. А. Воге), убегает (буквально – улетает) от реальности, парит над собственными страхами и ненавистью («Загадай желание улитке» Г. Далэ), убегает от себя, скитаясь по миру («Страдания финского мужа» Ф. Лонг; «Вкруг нас небеса...» М. Сундстрём).

«Расширение» пространства в повествовании свидетельствует не только о выходе за пределы «своего», о стремлении вырваться из привычного, но и о болезненном «вырывании» привязанностей, насильственном «вытравливании» героями уязвляющих их чувств. Например, героя романа Ф. Лонга «Страдания финского мужа» гонит из дома страдание, эмоциональная неустойчивость, потеря ориентиров, одиночество. Парадоксально, но ситуация путешествия, означающая процесс «раз-

движения» мира, сопрягается здесь с максимальным уходом героя в себя, замыканием в предельно личном, в собственной боли. Она знаменует высшую степень отчуждения человека от внешнего мира. Вышеназванный роман вообще представляет, на наш взгляд, квинтэссенцию стилевых доминант и смыслов скандинавской современной прозы. Одиночество, болезненная ранимость, сверхчувствительность, «измученное сознание» героя, становящиеся главными объектами исследования, форма повествования от первого лица (страстный монолог героя, обнажающий душу), элементы психоанализа, камерность сюжетной ситуации, завязанной на истории брака и его распада, на противоборстве мужчины и женщины (и исходящие из этого ядра разные аспекты гендерной проблематики), преемственность со скандинавской литературной традицией (прежде всего, переключки с романом «Голос безумца» Стриндберга), аллюзии и дискуссия с европейскими моделями (в том числе, с Достоевским, модернистами), психологическое мастерство автора, – всё это делает роман заметным событием в современной литературе.

Таким образом, казалось бы, «узкий» вопрос о повествовательных стратегиях скандинавской прозы выводит нас на центральную проблему любой культурной и литературной эпохи в целом – проблему человека. Современный человек предстаёт в постоянном конфликте с самим собой и миром. Он

колеблется между ощущением потери всего и жаждой обретения или сохранения малого, между цинизмом, неверием – и болезненным желанием хотя бы во что-то верить (в людей, в мечту, в чудо, в повседневные радости). Даже видимая устроенность, успешность в повседневной жизни, благополучие не делают его счастливым, наоборот, угнетают и заставляют отторгать привычное и устоявшееся. И скандинавский вариант обсуждения этой глобальной темы кажется нам особенно эмоциональным, острым, бескомпромиссным, поэтому, может быть, и более трагичным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мы здесь пока живём. Современная Норвегия в прозе. Пер. с норвежского. – СПб. : Изд-во Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 447 с.
2. Писатели Скандинавии о литературе. Сборник статей. Пер. с датского. Исландского, норвежского и шведского языков. – Сост. и коммент. К. Е. Мурадян. – М. : Радуга, 1982. – 416 с.
3. Скандинавия: Литературная панорама. Вып.1.– Сост. Л. Горлина и Ю. Яхнина. – М. : Худож. лит., 1989. – 623 с.
4. Страдания финского мужа. Современная шведская проза Финляндии. – СПб. : Изд-во Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. – 792 с.
5. Ульманн Л. Только счастье / Л. Ульманн // Мы здесь пока живём. Современная Норвегия в прозе. Пер. с норвежского. – СПб. : Изд-во Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – С. 5–10.

*Воронежский государственный университет
Тихонова О. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры зарубежной литературы
E-mail: olnem@yandex.ru*

*Voronezh State University
Tikhonova O. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Foreign Literature Department
E-mail: olnem@yandex.ru*